

Цинь Цзюнь был прижат к углу стены. Шан Лое удерживал его не ладонью, а предплечьем, давя всей тяжестью, и твердая локтевая кость намертво перекрывала дыхательные пути.

Мучительное удушье и тошнота мгновенно подступили к горлу, но застряли там, заблокированные железной хваткой. К этому добавился леденящий душу смысл слов, вливающих в уши. В какой-то момент Цинь Цзюню показалось, что он действительно задыхается и сейчас потеряет сознание.

Шок был настолько силен, что он даже не почувствовал, когда хватка ослабла. Выражение лица Шан Лое было настолько мрачным и свирепым, что Цинь Цзюнь, у которого перед глазами плыли черные точки, при виде поднятой руки инстинктивно решил, что Шан Лое сейчас ударит его.

Но тот не ударил.

Мужчина поднял руку лишь для того, чтобы ответить на только что зазвонивший телефон.

Кто-то позвонил Шан Лое, и, когда соединение установилось, из динамика донесся до боли знакомый, мягкий голос.

Это был Линь Куншань.

Однако этот голос казался бесконечно далеким для Цинь Цзюня, в ушах которого всё еще стоял гул. Он отчаянно пытался различить хоть звук из трубки, надеясь, что даже краткий слог принесет ему облегчение.

Но Шан Лое тут же включил Bluetooth, надел наушник и не оставил Цинь Цзюню ни шанса услышать хоть что-то.

Молодой высокий мужчина стоял с ледяным лицом, но его голос, обращенный к собеседнику, был спокоен, как всегда.

— Угу.

— Понял.

Отголоски удушья еще не прошли, Цинь Цзюнь пытался судорожно вдохнуть. Он приоткрыл рот, но, не успев издать ни звука, замер от ужаса — в холодном, свирепом взгляде Шан Лое читалось явное предупреждение.

Это был недвусмысленный приказ: не смей издавать ни звука.

Bluetooth-гарнитура улавливала малейший шум, и если бы Цинь Цзюнь заговорил, собеседник на том конце мог бы это услышать. Только сейчас Цинь Цзюнь запоздало осознал, что его горло всё еще зажато твердыми костяшками пальцев мужчины, намертво блокирующими голосовые связки.

Он не мог вымолвить ни слова.

Цинь Цзюнь был вынужден хранить молчание, словно на похоронах, слушая весь разговор. Голос Шан Лое звучал совершенно естественно, без малейшего намека на недавнюю ярость — невозможно было представить, что он только что душил человека.

А голос Линь Куншаня, доносившийся из трубки, вовсе не был таким отстраненным и холодным, как привык слышать Цинь Цзюнь в последние дни.

В нем слышалась улыбка. Казалось, беседуя с новым начальником, Линь Куншань был в прекрасном настроении.

Цинь Цзюнь уже не мог понять, что лишает его дыхания больше: это осознание, разрывающее сердце, или пальцы, давящие на трахею.

Шан Лое не стал тянуть время. Закончив разговор, он убрал телефон и, даже не взглянув на Цинь Цзюня, развернулся и вышел.

Когда Цинь Цзюнь, с трудом продышавшись после приступа кашля, шатаясь, выбежал следом, он увидел, что Шан Лое уже зашел в лифт, не оглянувшись.

Шан Лое не стал больше ничего спрашивать, не стал поносить его за публичное признание, не подумав о последствиях, и даже не удостоил его взглядом.

Словно Цинь Цзюнь был для него мертвецом.

Но это равнодушное игнорирование ранило Цинь Цзюня даже сильнее, чем недавнее удушение. В голове царил хаос, полный неразрешимых вопросов.

Что за остановка сердца... что за внезапная смерть... что вообще происходит?

Цинь Цзюнь тяжело дышал, словно его трахея, уже свободная от внешнего давления, была намертво перекрыта изнутри. Каждый вдох и выдох причиняли такую боль, что в глазах темнело.

Двери лифта закрывались не мгновенно. В последнюю секунду, когда фигура Шан Лое почти исчезла, Цинь Цзюнь вставил руку в сужающийся проем и с силой раздвинул створки.

Он бросился вперед, хватая Шан Лое за плечо:

— Что происходит? Почему А-Линь...

Шан Лое с силой отшвырнул его руку. Наконец он заговорил, и его ледяные слова вонзились прямо в сердце:

— Цинь Цзюнь, даже самый бесстыдный палач не наберется наглости говорить такое жертве.

— Говорить, что любишь его.

Шан Лое холодно смотрел на побледневшего Цинь Цзюня сверху вниз.

— Только не говори мне, что ты был не в курсе.

Недосказанное было очевидно обоим. Незнание не освобождало от вины. Напротив, это было самым постыдным доказательством.

Презрение и холодная ненависть в глазах Шан Лое были в сотни раз сильнее, чем когда-либо, но именно сейчас это не вызвало у Цинь Цзюня ответного гнева.

Напротив, это давило тяжелее, чем хватка на горле, пригибая к земле так, что он едва мог стоять. Его колени подгибались, словно их раздробили.

— Не смей больше приближаться к нему и вызывать у него тошноту.

Шан Лое вытолкнул Цинь Цзюня из лифта, его голос звучал как лед.

— Проваливай.

Он не стал угрожать, не сказал: пожалеешь, если вернешься. Но мрачный, леденящий взгляд мужчины стал самым действенным предостережением. Казалось, этот человек, над которым все издевались на съемках, но который ни разу не вышел из себя, наконец сбросил маску равнодушия.

Когда дело касалось Линь Куншаня, он был готов на всё.

Двери лифта, которые Цинь Цзюнь с таким трудом раздвинул, наконец сомкнулись и плавно поехали вверх.

А Цинь Цзюнь так и остался стоять снаружи, не в силах оправиться от шока. Он был словно в тумане, мир вокруг казался затянутым пленкой, отделяющей его от реальности.

— Господин? Господин?

К нему подошел охранник.

— Господин, ваш телефон постоянно звонит, пожалуйста, примите меры, этот шум мешает окружающим.

Цинь Цзюнь механически посмотрел на экран своего телефона. Действительно, звонок не умолкал. Он тупо уставился на имя Синь Мина, и вдруг, словно очнувшись, резко зашагал прочь.

Он находился в уединенной части холла, где в это время никого не было. Выйдя через боковую дверь на улицу, он столкнулся с прохожими. Телефон всё звонил, люди бросали на него раздраженные взгляды, кто-то с любопытством разглядывал его лицо, скрытое за темными очками.

Цинь Цзюнь не обращал внимания. Он дошел до своей машины, сел внутрь, с грохотом захлопнул дверь и заблокировал окна. Только тогда он ответил на звонок.

Раздался голос Синь Мина:

— Молодой господин Цинь, вы где? Наше интервью сегодня днем скоро...

Эти рабочие разговоры Цинь Цзюнь слышал уже сотни раз. Раньше они вызывали лишь раздражение, но теперь эта приземленная реальность вдруг отрезвила его, заставив почувствовать себя как никогда собранным.

Цинь Цзюнь не стал отвечать на расспросы, а перебил его, внезапно спросив:

— В прошлом месяце, почему А-Линь пошел чинить очки?

Тема сменилась так резко, что Синь Мин не сразу нашелся:

— Что?

Несмотря на недоумение, он чутко уловил обращение А-Линь. В его голосе зазвучало неодобрение:

— Вы снова искали его?

Цинь Цзюнь перебил его:

— Очки А-Линя были подарком, их нельзя починить в обычном месте, только у производителя. Ремонт занимает не меньше трех недель. Три недели назад, когда я видел А-Линя, его очки были уже после ремонта. Значит, они сломались шесть-семь недель назад.

— Шесть-семь недель назад — это как раз время его увольнения, а все документы по увольнению оформляли вы.

Цинь Цзюнь говорил четко и логично, его голос постепенно становился мрачным:

— Поэтому я хочу спросить вас, дядя Синь. Почему они сломались?

На том конце воцарилась тишина. Цинь Цзюнь не дал ему времени на раздумья:

— Это сделали вы или Цинь Чжиган?

Цинь Чжиган был отцом Цинь Цзюня.

— Я не знаю, такие мелочи не касаются господина Циня.

Синь Мин заговорил снова, его голос звучал ровно:

— Молодой господин, думаю, вам стоит подумать о работе...

Цинь Цзюнь холодно спросил:

— Вы его били?

— ...Как это возможно? — Синь Мин нахмурился.

Если уж на то пошло, Линь Куншань не из тех, кто будет стоять и терпеть удары — если бы его ударили, он бы отсудил компенсацию в десятки раз больше. Умышленное причинение вреда — это серьезно, если дойдет до суда.

Синь Мин понял это еще тогда. Именно поэтому господин Цинь, несколько раз встречаясь с Линь Куншанем, сдерживался и не поднимал на него руку. Хотя его самого чуть удар не хватил. Он просто хотел, чтобы Линь Куншань был как можно дальше от Цинь Цзюня.

Синь Мин был мастером уходить от ответов, пытаясь вернуть разговор в рабочее русло. Но сегодня Цинь Цзюнь был как никогда проницателен и упрям.

— Скажи мне, — его голос был ледяным. — Если не скажешь, я пойду и спрошу прямо у Цинь Чжигана.

Синь Мин осекся. Он знал, что при характере их молодого господина тот действительно может это сделать. Пришлось признаться:

— Это не наша вина. Он сам их сломал, разве нет? Встал утром, не удержал равновесие и раздавил. У него и так часто бывали головокружения по утрам...

— Но он не такой, — голос Цинь Цзюня стал зловещим. — У А-Линя не бывает утренней раздражительности, и он никогда не совершал ошибок из-за того, что был не в духе.

Цинь Цзюнь прямо спросил:

— Так это правда, что с ним что-то случилось, из-за чего его здоровье пошатнулось?

Синь Мин вздрогнуть. Только сейчас он понял, что Цинь Цзюнь загнал его в ловушку. Такое терпение и проницательность совсем не походили на того избалованного парня, которого он знал столько лет. На миг ему показалось, что с ним говорит сам Линь Куншань.

Три года идеальной работы Линь Куншаня наконец сделали из Цинь Цзюня то, чем он должен был стать. Синь Мин запоздало осознал: как бы тяжело ни было, в своем деле Линь Куншань никогда не проигрывал. Даже если причиной этого преобразования стал его уход.

В телефоне раздался низкий, хриплый голос Цинь Цзюня:

— А-Линь правда был при смерти?

— Неужели... — Синь Мин не выдержал, — Линь Куншань вам что-то сказал?

— Что он мог мне сказать? — голос Цинь Цзюня сорвался на безумный хрип. — Что он мог сказать, говори!

— Нет, молодой господин, успокойтесь.

Даже опытный Синь Мин растерялся перед лицом такой ситуации.

— Я просто хотел сказать, что он взял деньги и обещал молчать...

Как только эти слова сорвались с языка, Синь Мин понял, что совершил ошибку.

Цинь Цзюнь уже хрипло допытывался:

— Какие деньги? Сколько?

Синь Мин молчал.

Цинь Цзюнь внезапно успокоился:

— Девятнадцать тысяч?

Синь Мин был поражен:

— ...Откуда вы знаете?

— ... — голос Цинь Цзюня стал глухим. — Два месяца назад один благотворитель приходил поблагодарить меня за пожертвование моей матери в размере девятнадцати тысяч восьмисот юаней, сделанное пять месяцев назад.

Мать Цинь Цзюня умерла три года назад, это пожертвование мог сделать только кто-то другой от её имени. Тогда Цинь Цзюнь не придавал этому значения. Только теперь он понял причину. Эти деньги пожертвовал Линь Куншань.

— Вы думали, он берет деньги, чтобы шантажировать? — Цинь Цзюнь слишком хорошо знал методы своего отца. — Только такой придурок, как Цинь Чжиган, мог додуматься до такого: девятнадцать тысяч, чтобы купить жизнь, да еще с такой суммой, чтобы было противно, даже не округлил до двадцати!

Синь Мин молчал, что было равносильно признанию.

— Почему вы не сказали мне?! Почему скрыли?!

Этого Цинь Цзюнь простить не мог.

— Он был при смерти рядом со мной... а я ничего не знал!

Синь Мин не нашелся что ответить, в трубке слышалось лишь тяжелое, рваное дыхание Цинь Цзюня. Вдруг звуки прекратились, наступила полная тишина. Синь Мин даже подумал, что связь прервалась.

Но следом раздался свирепый голос Цинь Цзюня, в котором едва уловимо дрожали нотки отчаяния:

— В тот день, пять месяцев назад, когда это случилось... какое это было число?

Не дожидаясь ответа, Цинь Цзюнь сам назвал дату:

— Это было семнадцатое число? Во второй половине дня... во сколько?

Цинь Цзюнь вдруг вспомнил, что пять месяцев назад у Линь Куншаня была внезапная двухнедельная командировка. В тот день, перед самым отъездом, Цинь Цзюнь получил от него звонок.

Тогда он только что разругался с отцом, который был против его карьеры в шоу-бизнесе. Цинь Цзюнь был в ярости и объявил, что сегодня не будет работать. Вся команда боялась подходить к нему, и только Линь Куншань позвонил. Цинь Цзюнь решил, что тот пришел уговаривать его по приказу отца, и сбросил вызов.

Он был уверен, что Синь Мин знает всё, так как заменял Линь Куншаня во время его «командировки».

Цинь Цзюнь открыл журнал вызовов и почти кричал:

— Во сколько это случилось?! Во сколько?!

Он не мог себе представить, не смел даже думать об этом. Пропущенный вызов был в четыре часа. Если именно тогда Линь Куншаню стало плохо, и он хотел позвонить ему... Или он уже был без сознания, и кто-то другой набрал последний контакт в его телефоне.

Возможно, он был так близко к правде...

На том конце линии Синь Мин наконец подтвердил:

— Его доставили в больницу в четыре часа.

Все надежды рухнули.

Вокруг воцарилась мертвая тишина. Цинь Цзюнь погрузился в глубочайшее отчаяние, слушая лишь удары собственного сердца.

Тот день, семнадцатое число, четыре часа дня.

Если это действительно был последний звонок Линь Куншаня... то Цинь Цзюнь лично, собственными руками его оборвал.

<http://bllate.org/book/20054/1982703>